

ПАВЕЛЪ ПОНАМАРЕВЪ.

Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

(1749—1806 гг.)

Преосвященный Павелъ, въ мѣрѣ Петръ, былъ родомъ изъ Дмитровскаго уѣзда, его отецъ былъ дьякономъ въ Александровской Слободѣ. Онъ родился 4 Октября 1749 года и 11 лѣтъ поступилъ въ Сергіево-Лаврскую семинарію, гдѣ ему была дана фамилія Понамарева. Перейдя затѣмъ въ Московскую Славяно-греко-латинскую Академію, Понамаревъ, съ разрѣшенія благоволившаго къ нему митрополита Платона, слушалъ въ Московскомъ университетѣ съ 1768 по 1772 г. философію и элоквенцію. Онъ учился настолько хорошо, что о немъ Нѣмецкій информаторъ университета Сергій Ивановъ далъ такой отзывъ: „Нѣмецкаго грамматическаго класса ученикъ Петръ Понамаревъ обучался въ бытность свою съ такою прилежностію и стараніемъ, что всякій изъ его сверстниковъ тому завидовалъ ежечасно, почему и успѣхи оказалъ достойные всякой похвалы. Чтожъ касается до его поступковъ, то оказалъ такіе, которые благородному и честному челоувѣку всегда приличными и достойными быть казались“.

По окончаніи курса Понамаревъ возвратился въ Лавру, куда былъ опредѣленъ учителемъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, которые и преподавалъ въ теченіе шести лѣтъ. Впослѣдствіи онъ преподавалъ еще исторію.

Хотя онъ не думалъ принимать монашество, однако, по настоянію митрополита Платона, въ 1775 г., на 24 году, постриженъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ*). Дальнѣйшая дорога оказалась для Павла открытою.

*) Кажется, при такихъ же условіяхъ, про которыя писалъ Ростиславовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи“. 1866 г., т. I, стр. 136.

Черезъ мѣсяць послѣ постриженія онъ сдѣланъ намѣстникомъ Лавры, въ 1782 г. возведенъ въ санъ архимандрита Заиконоспасскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Московской Академіи, гдѣ преподавалъ богословіе, въ тоже время онъ былъ цензоромъ сочиненій духовнаго содержанія, представляемыхъ въ Синодъ и въ Московскую Синодальную Контору.

Одинъ изъ его біографовъ¹⁾ говоритъ: „Принявъ по настоянію митрополита монашество и сдѣлавшись намѣстникомъ Лавры, Павелъ сталъ заниматься преимущественно переводами съ Французскаго языка. Его переводъ исторія объ Эпаминондѣ, Фиванскомъ полководцѣ²⁾, пользовался большою извѣстностью въ концѣ XVIII вѣка. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ перевелъ обширную церковную исторію Тильмона, но цензура не дозволила ее тогда напечатать“. Пылкій, непреклонный его характеръ былъ причиною частыхъ его переходовъ изъ одного монастыря въ другой. Онъ управлялъ всѣми ставропигіальными Московскими монастырями: кромѣ вышеупомянутаго Заиконоспасскаго, въ 1783 г. Симоновымъ, въ 1785 г. Новымъ Іерусалимомъ, въ 1786 г. Новоспасскимъ.

Въ 1794 г. Павелъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа Нижегородскаго, гдѣ, по разсказамъ современниковъ, оставилъ среди подвластнаго ему духовенства далеко не добрую память, какъ епископъ злой и немилостивый. Преосвященный Макарій Миролобовъ говоритъ³⁾: „Усматривая безпорядки, Павелъ съ твердою волею и строгостію началъ искоренять ихъ. При немъ невѣжество и пороки не оставались безъ должнаго наказанія; по различію преступленій одни посылались подъ надзоръ и въ работу въ монастыри, другіе долгое время находились подъ запрещеніемъ, а нѣкоторые лишались и совсѣмъ священства. Довольное число запятнавшихъ себя пороками отдано, по приказанію преосвященнаго, въ солдаты⁴⁾. Такой строгій надзоръ епископъ не ограничивалъ одними священно-церковно-служителями, онъ простиралъ его и на дѣтей духовнаго званія. Особенно жестокъ онъ бывалъ при частыхъ своихъ объѣздахъ по епархіи“.

Конечно, Павелъ въ своихъ рѣшеніяхъ былъ отчасти правъ; *при пылкомъ своемъ характерѣ* онъ былъ не воздерженъ и, какъ сынъ сво-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г. VII.

²⁾ Сопиковъ. № 4786. Напеч. въ Москвѣ 1774 г.

³⁾ Исторія Нижегородской Іерархіи арх. Макарія.

⁴⁾ Въ сохранившихся клировыхъ вѣдомостяхъ часто встрѣчается противъ рекомандованныхъ съ худой стороны своеручная подпись Павла: „Въ военную службу“.

его времени, знакомый съ иностранной литературой и находившійся въ общеніи съ Французскими эмигрантами, наводнявшими въ послѣдніе годы царствованія Екатерины столицы и города, не могъ относиться равнодушно къ невѣжеству и грубымъ поступкамъ своихъ подчиненныхъ. „Да и какое въ то время было духовенство, даже Петербургское?“ какъ писалъ о. Моршкинъ. „Въ большинствѣ оно представляло самый поразительный примѣръ невѣжества, грубости, невоздержанія. Въ спискахъ Петербургскаго духовенства Екатерининскихъ временъ мы видимъ протоіереевъ, не обучавшихся нигдѣ, какъ напримѣръ Іоаннъ Троянскій, или дошедшихъ до одного грамматическаго класса; видимъ священниковъ, попавшихъ въ этотъ санъ изъ потерявшихъ голосъ придворныхъ протодьяконовъ и пѣвчихъ“. По выраженію Екатерины II, „въ бѣльцахъ люди были еще приличнѣе, нежели въ черномъ духовенствѣ“.

Семинарія въ Нижнемъ-Новгородѣ была далеко не изъ лучшихъ. Содержаніе семинаристовъ было скудное: кормили плохо, а начальствующіе и учителя весь успѣхъ преподаванія полагали въ „поученіяхъ на тѣлѣ“ и твердо держались правила, завѣщаннаго Кіевскою педагогіей.

„Такихъ молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительно и заключенію плѣнническому подобно; но кто обыкнетъ такъ жить хоть черезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ“. И о. о. ректоры и префекты были убѣждены, что при такомъ стужительномъ житіи, аще кто и тигръ нравомъ будетъ, агнчюю воспріиметь тамъ кротость. Павелъ съ первыхъ же дней своего пріѣзда обратилъ на Нижегородскую семинарію особенное вниманіе и хотя строго взыскивалъ и съ начальства и съ учениковъ, но улучшилъ положеніе сихъ послѣднихъ. По его ходатайству семинарія вмѣсто 2000 р. стала получать 4000 р.

Не оставлялъ Павелъ безъ вниманія и раскольниковъ, вооружаясь противъ нихъ, по отзывамъ преосвященнаго Макарія, и словомъ, и дѣломъ. Онъ воскрешалъ, по возможности, Питиримовскія времена, тѣмъ болѣе, что свѣтскія власти, въ виду выгоды преслѣдованія раскольниковъ, всегда были къ услугамъ Нижегородскаго преосвященнаго.

Положеніе церковнаго клира было вообще вездѣ бѣдственное. Только императоръ Павелъ I избавилъ его отъ тѣлесныхъ наказаній. До того же времени поповъ и дьяконовъ сѣкли на площади кнотомъ не только за уголовныя преступленія, но ихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ и съ цѣлію исправительною. Провинившагося священника требовали въ архіерейскій домъ и, по изслѣдованіи вины, нерѣдко при-

страстнымъ, сожали на цѣпь въ поварнѣ, заковывали въ кандалы или ножныя колодки и бросали въ подвальные тюрьмы, били шелепами и сѣкли плетьюми. Особенно этимъ отличались архіереи Малороссы. Впрочемъ, тогда это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, которымъ никто не смущался. Такъ расправлялись съ подчиненнымъ духовенствомъ не только архіереи, но и монастырскіе настоятели, которые тѣми же средствами смиряли братію своихъ обителей¹⁾.

Въ бытность свою на Нижегородской каѳедрѣ преосвященный Павелъ сдѣлался извѣстенъ императору Павлу, который въ 1798 году, во время Казанской поѣздки, дважды былъ въ Нижнемъ. Для встрѣчи Государя преосвященный велѣлъ съ необыкновенной быстротой, если не исправить, то замазать ветхости въ каѳедральномъ соборѣ, построенномъ въ 1632 году и угрожавшемъ паденіемъ²⁾, сшилъ всѣмъ священникамъ новыя ризы, чего прежде никогда и нигдѣ не бывало, а пѣвчимъ—форменныя платья, приказалъ имъ напудриться и спрятать заплетенныя косы въ кошельки, введенныя тогда въ употребленіе во всей арміи. Униформа на молебнѣ очень понравилась Государю.

Награжденный орденомъ Св. Анны 1-й ст., преосвященный Павелъ 26 Октября 1798 г. былъ переведенъ въ Тверь. На Тверской каѳедрѣ черезъ полгода (15 Мая 1799 г.), онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа; жилъ въ С.-Петербургѣ, присутствуя въ Синодѣ. Въ слѣдующемъ 1800 г. 15 Января онъ переведенъ изъ Твери въ Ярославль на мѣсто скончавшагося архіепископа Арсенія Верещагина; въ 1801 г. награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Первоприсутствующимъ въ Синодѣ тогда былъ митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. Оберъ-прокуроръ Яковлевъ въ своихъ Запискахъ, сравнивая Амвросія съ Павломъ, замѣчаетъ, что послѣдній мстителенъ и корыстолюбивъ, тогда какъ первый расположенъ къ мягкосердечію и откровененъ до болтливости; Павелъ золь, скрытевъ, упрямъ, многосвѣдущъ, а наипаче въ приказныхъ ябедахъ. И въ Нижнемъ, и въ Ярославлѣ о немъ сохранились преданія, какъ о человѣкѣ суровомъ и безнравственномъ, о чемъ свидѣлствуютъ, кромѣ Яковлева, и Записки современниковъ³⁾. Онъ былъ особенно друженъ съ первоприсутствующимъ въ Синодѣ митрополитомъ Амвросіемъ. Впрочемъ; по своей коварной натурѣ, Павелъ былъ плохой товарищъ. Въ своихъ Запискахъ оберъ-прокуроръ Яковлевъ, между прочимъ, говоритъ, что

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г., VII, стр. 451.

²⁾ На мѣстѣ его сооруженъ новый въ 1834 г.

³⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г., VII, стр. 468.

Павель, будучи какъ-то въ размовкѣ съ Амвросіемъ, предложилъ ему дѣйствовать заодно противъ него; при этомъ онъ откровенно высказалъ предполагаемую программу дѣйствій и главную цѣль. Последняя состояла въ томъ, чтобы Амвросія отправить въ Новгородъ, а Павлу надѣть бѣлый клобукъ и занять мѣсто первоприсутствующаго. Яковлевъ, выслушавъ Ярославскаго архіепископа до конца, рѣшительно отказался отъ союза съ нимъ. Увидѣвъ себя въ крайне неловкомъ положеніи и опасаясь, что оберъ-прокуроръ передастъ Амвросію ихъ разговоръ, Павель поспѣшилъ къ митрополиту предупредить его. Прямо отъ прокурора преосвященный поскакалъ въ Невскую Лавру и, притворясь оскорбленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне преданнымъ митрополиту, сказалъ ему, что оберъ-прокуроръ сейчасъ предлагалъ ему дѣйствовать съ нимъ заодно въ дѣлѣ удаленія Амвросія, за что обѣщала выхлопотать ему бѣлый клобукъ. Амвросій повѣрилъ, помирился съ Павломъ, и съ того времени между ними былъ заключенъ самый тѣсный союзъ.

Изъ числа синодскихъ изданій Духовный Регламентъ давно уже сдѣлался библиографической рѣдкостью и сталъ почти не извѣстенъ бѣлому духовенству. Оберъ-прокуроръ рѣшилъ напечатать его и притомъ не Славянскими буквами, а по-русски. Архіереи единогласно возстали противъ этого. Во время пререканій по поводу печатанія Регламента, Павель Ярославскій келейно сдѣлалъ о немъ самый неблагоприятный отзывъ, а про инструкцію синодальному прокурору будто бы сказалъ, что она написана еретиками и колдунами. Дѣло въ томъ, что эта инструкція, утвержденная 13 Іюня 1722 года, не была подписана Петромъ (онъ въ то время уѣхалъ по Волгѣ въ Персію), но по его приказанію ее скрѣпили подписями шесть сенаторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, протестантскаго исповѣданія, о которомъ сохранилось въ народѣ нелѣпое преданіе, будто онъ занимался чародѣйствомъ. Конечно, если Павель и сказалъ это, то сказалъ въ шутку, ради остраго словца: онъ не могъ не знать, что инструкція еще до отъѣзда Петра изъ Москвы была составлена подъ личнымъ его руководствомъ. Тѣмъ не менѣе, когда объ этихъ словахъ, сказанныхъ келейно, заговорили, Государь былъ крайне недоволенъ, и, кажется, это неосторожное слово было поводомъ къ тому, что изъ всѣхъ синодальныхъ членовъ только одинъ Павель былъ удаленъ изъ Петербурга синодальнымъ указомъ.

„На долю Ярославской паствы, по словамъ Ярославскаго историка о. протоіерея Іоанна Троицкаго, выпало только два года пребыванія Павла въ Ярославлѣ“. До 1803 г. онъ оставался въ Петербургѣ, присут-

ствуя въ Синодѣ, въ 1803 г. 7 октября онъ уволенъ на свою епархію. Удаленіе изъ Синода и неблаговоленіе Государя такъ подѣйствовали на самолюбиваго архипастыря, что онъ, обладавшій до сего цвѣтущимъ здоровьемъ, заболѣлъ, и развившаяся въ немъ послѣ удара болѣзнь истощила его силы и свела въ могилу.

Утомленный болѣзненными страданіями, архипастырь почилъ отъ трудовъ своихъ на 56 году отъ рожденія 19 Марта 1806 года. Тѣло Павла 8 дней пребывало въ храмѣ архіерейскаго дома, куда ежедневно съ утра до ночи приходили толпами Ярославскіе жители прощаться съ своимъ пастыремъ; потомъ съ приличными церемоніями, въ сопровожденіи всего Ярославскаго духовенства и множества народа, при звонѣ колоколовъ и пѣніи священномъ, внесено было іереями въ кафедральный Успенскій соборъ; 28 Марта, по совершеніи надъ нимъ, по чину церковному, отпѣванія погребено у стѣны близъ входа въ теплый соборъ. Во время торжественнаго погребенія произнесено надгробное слово учителемъ богословія, соборнымъ іеромонахомъ Іустиномъ. Проповѣдникъ указывалъ въ почившемъ архипастырѣ на трудолюбіе, на постоянную его дѣятельность, называя его ревностнымъ учителемъ нравственной вѣры, прозорливымъ и добрымъ архипастыремъ, безпристрастнымъ и праведнымъ судіею, покровителемъ гонимыхъ, сердобольнымъ отцомъ для сиротъ и твердымъ защитникомъ истины. Такія свойства (заключаетъ біографъ) черезъ полвѣка безъ преувеличенія ему принадлежали: онъ соединялъ строгость съ правосудіемъ и милосердіемъ. Прежде опущенія гроба въ могилу читаны были еще стихи, въ которыхъ воспомянута неутомимая дѣятельность архипастыря и выражены общія чувствованія скорби:

И ты, о пастырь нашъ, отецъ нашъ опочилъ,
Что въ подвигахъ святыхъ все время проводилъ...*)

Авторъ „Обзора Русской духовной литературы“ говоритъ, что рѣчь преосвященнаго Павла Екатеринѣ, произнесенная въ Нижнемъ-Новгородѣ, считалась образцовою и была потомъ напечатана въ хрестоматіи Пенинскаго (1,558). Множество поученій его остается въ рукописяхъ, между прочимъ и три слова, сказанныя въ Нижнемъ, изъ которыхъ одно направлено противъ раскольниковъ. Его описаніе Сергіевой Лавры выдержало 10 изданій. О рѣчи архимандрита Павла Императрицѣ, говореной 21 Іюня 1787 г., Храповицкій въ своемъ Дневникѣ отмѣтилъ: „Новоспасскій архимандритъ Павелъ вчера худо говорилъ рѣчь;

*) Рукописи Вахрамѣева. Т. I, № 273.

онъ ученикъ Платона; монахи нарочно стараются, чтобы ихъ не превзошли, а теперь въ бѣльцахъ люди лучше нежели въ чернецахъ“.

Избранный въ члены Россійской Академіи, Павелъ принималъ участіе въ составленіи V и VI частей Словопроизводнаго словаря, особенно занимаясь опредѣленіемъ правилъ ударенія въ Русскомъ языкѣ.

Единственный портретъ преосвященнаго Павла, написанный, очевидно, послѣ полученія имъ Александровской ленты, находился въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ, что на Устьѣ, монастырѣ и принадлежалъ, по словамъ бывшаго настоятеля этого монастыря преосвященнаго Амфилохія, Борисоглѣбскому же архимандриту Анатолю (1802—1808 г.г.), который пользовался особымъ благорасположеніемъ преосвященнаго Павла.

А. Титовъ.

Ростовъ. 1910, Іюня 2.

